

Александр БОБКОВ (г.Москва)

Не бойтесь стоящих поодаль. Бойтесь тех, кто рядом

— Какой-то день сегодня длинный, — подумал Пётр Аркадьевич, мельком взглянув на часы над входной дверью кабинета. Было — половина пятого. Ощущение незащищённости и неопределённости, овладевшее им после ухода работников прокуратуры, не давало сосредоточиться на делах.

— К тому же они забрали с собой почти все служебные материалы, счета, финансовые отчёты...

Пётр Аркадьевич смотрел на перечень изъятых прокуратурой документов, прикидывая в уме, где в первую очередь их могут «накрыть». В это время в кабинет как-то боком, почти бесшумно, проскользнула его секретарша Вероника.

— Пётр Аркадьевич, вас просит зайти Андрей Васильевич... срочно...

— Могла бы и по селектору мне сказать, — почему-то с раздражением подумал Пётр Аркадьевич, на ходу сгребая со стола оставленные прокуратурой бумаги.

— Ну что там у тебя, Пётр? — встретил вопросом своего исполнительного директора Андрей Васильевич, устало приподнявшись в своём рабочем кресле и протянув для приветствия руку.

Поздоровавшись и привычно сев на стул напротив стола шефа, Пётр Аркадьевич инстинктивно почувствовал, что разговор будет непростым. Слишком уж отчуждённым был сегодня вид «Андрэ». Глаза последнего не просто смотрели, интересовались; они испытывали, стараясь проникнуть в его — Петра Аркадьевича — глаза, войти внутрь мозга, мыслей; понять, с кем сегодня его друг и первый заместитель по бизнесу. Эти сволочи — прокурорские ищейки — умеют породить недоверие между самыми преданными и верными... За всю неделю обысков и расспросов они ни разу не выслушали их вместе, только поодиночке... Впрочем, и другие сотрудники офиса «обрабатывались» по той же самой схеме... Всех, включая секретарей, референтов, менеджеров, охранников и даже уборщиц, работники прокуратуры ставили в тупик вопросами, которые, разумеется, никогда раньше с момента образования компании и банка здесь не поднимались и не обсуждались. То были вопросы как бы не по существу: кто с кем? сколько? у кого?.. Недовольства — кем? почему?.. Безусловно, настоящий «компромат» искали в документах и сейфах, но не гнушались никакой, в том числе и «подмётной» информацией каждого о каждом...

— Вот копии протоколов изъятия документов и содержимого сейфов у меня и Самойловича. В бухгалтерии устроили настоящий погром, перевернули все вверх дном, документы за последние три года унесли с собой. Копии протоколов — у Мариничевой. В целом мы хорошо подготовились. Ничего серьёзного найти они не смогут. Налоги? Есть конечно... А у кого нет? Они прекрасно знают, во что нам обходится неполная выплата налогов, и с кем мы дружим... Здесь глубоко копать они не будут. Ниточки в «оффшоры» мы подрезали... Владельцы недвижимости — наши люди; да и рисковать им нет резона; контроль надёжный. Что касается банкиров, то эти ребята крепкие, не выдадут...

— Что-то ты разговорился, Петя? И «жучков» не боишься, а вдруг?

— Я знаю, что прослушки нет, ребята смотрели... Да и ты бы прервал меня сразу; зачем спросил? Я тебе доверяю полностью; потому и говорю всё...

— Полностью доверять можно только себе, и то не всегда... — Андрей Васильевич слегка потеревил рыжеватую «козлиную» бородку, которая делала его похожим то на Дзержинского, то на Дон-Кихота и как бы размышляя, произнёс. — Если на этой грешной земле свято веришь в дружбу, значит время предательства ещё не настало...

— Загадками говоришь, Андрэ; мой сосед по даче тоже считает, что в России иметь много друзей вредно для здоровья, и он совершенно прав... Но настоящие друзья, пусть их и единицы, просто необходимы.

— Да, на этот счёт у меня есть мнение не менее афористичного приятеля, который серьёзно полагает, что опасно приобрести врага, но ещё более опасно потерять друга, ибо не бывает более лютого врага, чем несостоявшийся друг... — Андрей Васильевич впился глазами в собеседника.

— Я не очень-то разделяю мнение твоего приятеля, но даже этот «противный» для меня тезис также говорит о том, что с друзьями, как и с любимыми — не расставайтесь, — Пётр Аркадьевич вопросительно и прямо взглянул в лицо Андрэ.

Андрей Васильевич ответил слабой вымученной улыбкой; ещё раз внимательно посмотрел в глаза своего помощника и проговорил:

— В моём сегодняшнем положении любая, в том числе и моментальная ошибка, требует длительной расплаты. Я всегда исповедовал принцип, что даже если ты делаешь и не вполне честное дело, то и его надо делать честно. Конечно, деньги — зло; но для того, чтобы их по-настоящему презирать, надо, как минимум, иметь последние в достаточном количестве... И мы заработали эти деньги. Но живём-то мы где? В России... В России, в которой бедных презирают, а богатых убивают... Ибо «вкруг» Моцартов всегда роятся Сальери. Не Сальери ли и ты, друг мой?.. Уж очень ты правильный и искренний...

— Ты меня обижаешь уже в который раз, хотя и сейчас я поражаюсь твоей выдержке и действительно завидую твоей железной логике. Я — проще, но и искреннее. Тебе бы ценить это... Особенно сегодня...

— Друг мой, я в самом деле все ещё тебя люблю и ценю. Но что я могу с собой поделать, если совершенно точно знаю, что человек формируется из двух куч: достоинств и всякого дерьма, смешиваемых в течение жизни в самых различных пропорциях. И по большому счёту, все мы сволочи, только в разное время и в разной степени. Да-да, и я в том числе... Ведь сейчас я думаю и о том, как бы мне разделить мою участь с моими друзьями... А ты от меня ничего не скрываешь?! То-то...

Пётр Аркадьевич не ожидал такого напора и резкости. Можно сказать, что он опешил и даже засомневался — так ли уж глубоко законспирированы некоторых из его личных «делишек» с деньгами и недвижимостью компании. Поэтому в ответ он лишь проямлил:

— На сложные вопросы простых ответов не бывает... Ты же знаешь — у талантливого человека всегда есть, что отобрать. Есть и у меня кое-что своё...

Но это откровение не понравилось и ему самому...

— Вот я и говорю, что своё говно ценнее чужого золота. Хотя, компромисс с говном, конечно, обрекает... — не унимался шеф.

Помолчали...

— Виски будешь? — неожиданно спросил Андрэ и, еще не получив ответа от растерянного вконец Петра Аркадьевича, уже достал из стола бутылку, две рюмки и налил обоим. — Пей, — пододвинул он по столу одну из рюмок другу.

Пётр Аркадьевич машинально вслед за Андрэ выпил всё содержимое рюмки, совершенно потеряв, казалось, дар речи. Он лишь смотрел на ставшее бесстрастным лицо шефа, не желая ни слушать, ни отвечать. Но очевидно, что Андрэ ещё не всё сказал... И это невысказанное беспокоило его больше всего остального... Очнувшись в очередной раз от раздумий, тот заговорил:

— Как всё ещё лучшему своему другу сообщаю, что я уже с утра под арестом... В конце рабочего дня за мной приедут и отвезут в следственный изолятор. Играют в демократию... Дали мне пять часов на сборы... Остаёшься за меня. Не знаю, надолго ли... Братки, ты понимаешь о ком я говорю, тобой недовольны... Они знают о тебе даже больше, чем знаю я... Так что будь осторожен вдвойне. По мне так лучше уж быть слитым в канализацию, чем упакованным в говно; ну а решать тебе... Выбор невелик... Все основные бумаги — в столе; для тебя здесь действительно всё совершенно несекретно. Иди, и подумай... У тебя ещё есть немного времени... А у меня его не хватает даже на то, чтобы тебе помочь...

Пётр Аркадьевич уходил от Андрэ как во сне... Как будто и не было настоящей студенческой дружбы, пятнадцати лет совместной борьбы и труда, добрых межсемейных отношений.

— А всё деньги, будь они трижды прокляты... Ненавижу, всё ненавижу...

Он немного пришёл в себя только по дороге домой, куда поехал тотчас после разговора с Андрэ. Игорь, водитель его служебного «Мерседеса», а по совместительству телохранитель, как обычно аккуратно гнал машину по Садовому кольцу. Вечерний час пик ещё не наступил, поэтому автомобили шли хотя и довольно плотными рядами, но достаточно быстро. Вот уже проскочили Крымский мост... Последовал резкий правый разворот, взлёт на эстакаду Комсомольского проспекта, и машина, натружено взревев всеми своими тремястами «лошадками» как бы в погоне за постоянно ускользающим и искрящимся разноцветными оттенками светом, пляшущим на мокром полотне дороги впереди автомобиля, уже пронеслась мимо станции метро «Фрунзенская», притормозила, а затем и застыла на последнем светофоре перед поворотом домой.

— Машина мне сегодня больше не нужна. Так что я тебя отпускаю. А завтра, ровно в восемь — у подъезда... Хочу быть в конторе немного раньше обычного.

Пётр Аркадьевич даже не взглянул на Игоря, настолько он был ещё погружён в атмосферу своего недавнего разговора с Андреем Васильевичем.

— Слушаюсь, шеф, и повинуюсь, — как всегда оптимистично и в то же время не без тени лукавства «ответствовал» Игорь, ловко выруливая влево на загоревшуюся зелёную стрелку светофора. Проехав ещё метров пятьдесят и сделав последний, теперь уже правый поворот, автомобиль въехал в тихий и уютный с виду дворик и остановился прямо напротив единственного подъезда двадцатидвухэтажного красавца-дома, пятый этаж которого целиком принадлежал Петру Аркадьевичу.

Игорь, по привычке быстро покинув место водителя клюнувшей было носом от резкого торможения машины, находился уже с другой ее стороны и широко распахивал открытую наполовину дверцу перед плавно выкатывающимся с переднего сидения Петром Аркадьевичем... Но тот почему-то «выходил» из автомобиля не вперёд ногами, как обычно, а выпадая верхней половиной туловища и какой-то нежизнеспособной, склонённой к груди головой... И вдруг Игоря как током ударило — на правом виске шефа он увидел маленькое чёрное пятнышко, на глазах расплывающееся в тёмно-красное, уже бесформенное пятно, из которого в следующую секунду ударила тоненькая струйка крови... Тело Петра Аркадьевича как-то неестественно дёрнулось, словно в попытке всё-таки покинуть это несчастливое место: убраться, выпасть, вылететь из него...

В следующий момент Игорь уже принимал на руки вываливающееся из автомобиля грузное тело шефа, не осознавая ещё в полной мере, кто и откуда мог произвести выстрел... На некоторое мгновение он забыл даже о том, что является ещё и телохранителем, и за широким поясным ремнём его джинсов в полной боевой готовности находится девятимиллиметровый десятизарядный «Вальтер». Осознав наконец и эту свою ответственность, Игорь быстрым движением втолкнул обмякшее тело Петра Аркадьевича обратно в автомобиль и захлопнул дверцу. Звука выстрела он не слышал, по-видимому стреляли из оружия с глушителем. Передняя дверь машины была абсолютно цела, а стекло поднято и без пробоин... Следовательно, пуля могла быть выпущена в Петра Аркадьевича только во время открывания им самим дверцы автомобиля.

Игорь ошумело огляделся по сторонам, тряся перед собой выдернутым из-за пояса «Вальтером», а затем лихорадочно заскользил взглядом по входу в подъезд и лоджиям нижних этажей дома, где только и мог находиться убийца. Всё молчало; во дворе не было ни души; и ни в одном из окон или лоджий, по крайней мере нижних четырёх этажей, ничто не выдавало себя ни единым движением или звуком.

Звать, кричать, молить о помощи было бесполезно... С какой-то упрямой надеждой

Игорь снова открыл дверцу автомобиля, схватил неподвижную голову Петра Аркадьевича обеими руками, приподнял её, пытаясь пальцами правой руки нащупать пульс на сонной артерии... Нет, шеф был мёртв.

Ну а что же сам Пётр Аркадьевич, получивший довольно сильный укол в голову, в правый висок?

Что чувствовал он и что понимал в эти последние непростые мгновения его жизни?

— Кто бы мог подумать, что эти твари так сильно кусаются?

Почему-то сначала он подумал об укусе комара или мухи, несмотря на то, что до лета было ещё далеко...

— Нет, кто-то выстрелил из рогатки, или бросил мелкий камень, влетевший в приоткрытую дверцу машины...

Пётр Аркадьевич, раздосадованный этим неприятным инцидентом, попытался выйти из машины, с тем чтобы определить источник посягательства на него со стороны какого-то «вражины-хулигана», или иного «урода»... Тем более, что кровь уже заливала правый глаз, а в голове начался настоящий переполох ощущений и мыслей... При этом боли он почти не чувствовал. Какое-то онемение правой половины головы; и почему-то — перевёрнутая картинка двора, его дома, и чувство лёгкой дрожи, а точнее вибрации во всём теле, и особенно в коленях... При этом как Пётр Аркадьевич ни старался, его ноги никак «не хотели» выходить... Так что пришлось начать раскачиваться всем туловищем, чтобы попытаться хоть как-то выбраться из машины...

И в следующее мгновение ему это удалось сделать... При этом он просто вылетел на улицу через закрытую переднюю дверь автомобиля и быстро огляделся по сторонам...

Уже смеркалось, во дворе никого не было... Только какая-то рыжая лохматая дворняга недовольно и испуганно тявкнула пару раз из-за мусорного контейнера у западного торца ближайшего здания, где она по-видимому промышляла в поисках чего-нибудь съедобного.

— А где мой водитель Игорь? Почему его не видно и не слышно? А, вот же он... Но что это он мечется по двору с «вальтером» в руке?! Почему так взлохмачен, возбуждён и не обращает никакого внимания на своего хозяина, то есть на меня? Как будто меня тут и нет совсем... Вот он я! Удивительно, но я уже совсем прекрасно себя чувствую: ни боли, ни крови, ни дрожи в коленях... В чём дело?!

Пётр Аркадьевич попытался окликнуть Игоря, «выговорить» ему за его непонятные выходки, но не смог произнести ни слова. В мгновение ока буквально подлетев к Игорю, он попытался ухватить последнего за руку в области запястья, с тем чтобы отнять пистолет («не дай Бог, ещё пальнёт по дури»)... Но его пальцы сжались в кулак, совершенно не почувствовав никакого прикосновения к руке Игоря... В следующее мгновение Пётр Аркадьевич попробовал толкнуть Игоря к машине:

— Перестань, мол, дурачиться, садись в авто и уматывай, твою мать... А мне пора домой... Элечка, должно быть, заждалась...

Но каково же было удивление Петра Аркадьевича, когда он всем своим телом проскочил прямо через верхнюю часть туловища Игоря насквозь, не почувствовав даже малейшего к нему прикосновения...

— Стоп, я сплю и вижу этот нелепый сон? Да нет же... Я приехал как обычно с работы домой... Сейчас мне надо быстренько подняться в лифте к себе на пятый этаж, поужинать и заняться счетами и накладными, будь они неладны, которые после сегодняшнего разговора с Андрэ я схватил всей пачкой из рабочего сейфа и увёз с собой, бросив в чёрный дипломат...

— Ах да, дипломат остался на заднем сидении. Надо его забрать...

Обычно это делал Игорь, вручая последний Петру Аркадьевичу из рук в руки.

— Совсем распустился парень... А ещё — телохранитель... Придётся взять дипломат самому...

И не успел Пётр Аркадьевич об этом подумать, как вдруг каким-то чудесным образом оказался внутри автомобиля.

— Вот он, дипломат; а кто это ещё в машине, да к тому же на правом переднем сидении, да в моих шляпе и кожанке?! Это же грабёж! Безобразие! Я ничего не понимаю... Эй, коллега, а ну вылазь! — не сказал, но грозно подумал Пётр Аркадьевич... — Никакого эффекта?! Что ты тут делаешь в моей машине?

Рука Петра Аркадьевича стремительно опустилась сзади на плечо незнакомца и тут же провалилась через всё тело сидящего и обшивку переднего сидения автомобиля, не встретив никакого сопротивления...

— О, ужас! Ничего не могу с ним поделать! Игорь, помоги! — скорее простонал, чем сказал Пётр Аркадьевич...

Дипломат на заднем сидении тоже никак не давался в руки... Он неподвижно лежал, поблёскивая новенькими замками-защёлками, в то время как обезумевший от непонятого совершенного отсутствия ощущений своего тела Пётр Аркадьевич то метался в салоне автомобиля, а то вылетал на улицу... При этом он совершенно свободно покидал машину и так же легко проникал обратно, не ощущая при этом ни малейшего прикосновения ни к корпусу машины, ни к предметам внутри неё... Пётр Аркадьевич ещё раз с отчаянием взглянул на ставшего ему уже ненавистным человека, нахально расположившегося на правом переднем сидении автомобиля. Он так и не увидел его лица. Похоже, тот спал крепким, вероятно наркотическим сном, низко склонив голову на грудь. К тому же, освещение в салоне автомобиля было минимальным, и Петру Аркадьевичу не довелось узнать в этом грузном неподвижном человеке самого себя...

— Бог с ними со всеми!

Надо было идти домой...

Оказавшись в очередной раз на улице и не надеясь больше на помощь Игоря, который по-прежнему был к нему до безобразия безразличен, упорно названивая кому-то по мобильному телефону, Пётр Аркадьевич на каких-то неестественно лёгких и даже подпрыгивающих ногах направился к своему подъезду... Но не успев преодолеть и нескольких ступенек у крыльца подъезда, он внезапно с лёгкостью пёрышка подхваченного дуновением ветерка, как-то витиевато взмыл вверх буквально под самую крышу своего дома...

Дальше всё происходило настолько стремительно и непредсказуемо, что походило на похищение, не допускавшее никаких личных волевых вариантов. Пётр Аркадьевич не то чтобы почувствовал, но определённо понял, а затем и увидел, что он в плену; в плену у неких почти бестелесных полупрозрачных живых существ, которые совершенно безапелляционно стремили его всё выше и выше, постепенно ускоряя темп полёта в неведомое...

С тоской и отчаянием оглядываясь назад, вниз, Пётр Аркадьевич видел быстро удаляющиеся очертания сначала своей улицы, дома; затем — квартала, города, Земли...

— Что это, куда они меня волокут? Нет, не волокут, а несут как на крыльях в небо! Но ведь я ещё не умер, я — живой... всё у меня на месте: и голова, и руки, и ноги... Только ничего не чувствую и нахожусь как бы в невесомости... А они в своих развивающихся светлых полупрозрачных балахонах с тёмными кокошниками летят с огромной скоростью... Их двое; и полёт их — совершенно лёгок и стремителен...

Да и сам Пётр Аркадьевич вдруг осознал, что тоже летит... Никто его не тащит и не принуждает... Какая-то лихая радость как от поездки на гоночном автомобиле по автотреку, какую он испытал однажды в молодости в компании с другом-автогонщиком, овладела им...

Сопровождающие скользнули в какое-то тёмное замкнутое пространство вроде тоннеля метрополитена, но совсем не освещённого и совершенно беззвучного. После этого они понеслись вперёд ещё более стремительно, увлекая за собой и Петра Аркадьевича. У последнего перехватило дух настолько, что он инстинктивно вдруг так расхохотался и беззвучно затрясся всем своим невесомым телом, что его попутчики даже несколько отстранились от него, как бы давая ему возможность большего маневрирования в сравнительно узком пространстве полёта.

Резко накренившись своими телами на очередном изгибе тоннеля, стремительная тройка внезапно вылетела на ослепительно белый равнинный простор, расстилающийся во все стороны настолько, насколько хватало взора...

— Добро пожаловать, — раздалось теперь прямо из света, «обнимавшего» всё вокруг...

А перед мысленным взором Петра Аркадьевича уже неслись мгновения всей его земной жизни; живые и такие яркие и впечатляющие «картинки» из образов, мыслей, эмоций и чувств, в которых, казалось, была вся и сразу его жизнь: с детства и до трагической гибели от пули киллера. Вот милая мама, братик, сестричка; добрые лица одних, кривые и злонамеренные ухмылки других людей: соседей, знакомых и незнакомых... Бедность, даже нищета семьи; пьяный и обозлённый на всех папа; снова, теперь уже плачущая мама; драка с младшим братом за право прокатиться на единственном стареньком самокате. Школа, девочки, мальчики; дерзновенные мечты; злые выходки на уроках и переменах; жестокие избиения после уроков беззащитных, не подчиняющихся злой воле его компании ребят... Глупости, мелкие пакости и большие подлости... Как много их было... Торговый техникум... Армия, где уже бил не столько он, сколько его; унижение, унижение, и снова унижение — с тем, чтобы на третьем году службы самому бить слабого новобранца, бить и унижать... Экономический факультет института народного хозяйства... Общественная работа с непримиримостью и прямолинейностью в отстаивании «чистоты рядов ленинского комсомола»... Партия... Аспирантура... Кандидатская диссертация... Хорошая должность... Затем — крах, распад системы, приватизация страны... Снова хорошие, а главное, прибыльные должности... Миллионные сделки; обман, подкупы; моральные и физические расправы над конкурентами... Быстрый материальный рост... И вот уже, кажется, есть всё: и шикарное жильё в Москве, и «Мерседес» с водителем, и яхта под парусом, и дачка в Ницце, и многочисленные друзья во всём мире, и женщины из высшего общества... Но нет уже ни мамы, ни папы... С мамой впопыхах простился у её гроба; с папой не смог из-за «архиважной» деловой встречи...

— Сестрёнка, где ты теперь? Брата убили... Жалко, неотомщён! Элечка, прости за многочисленные измены, но ты — моя единственная любовь... Простите меня все, и за всё, если можете... Ведь я, по сути, неплохой человек. Но такова жизнь... Я не оправдываюсь; я страдаю, я сожалею и прошу дать мне шанс... Я умираю; как хочется пить, пить; хотя бы глоток воды...

О счастье — какая прекрасная дивная река с живописными берегами; и я — в ней; и пью, пью сколько хочу; до изнеможения, до полного забвения...